

УДК 81'42

ЖАНР ПРОКЛЯТИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Сидоренко А.В.

Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета, Стерлитамак, Россия (453103, Россия, Стерлитамак, проспект Ленина, 49), e-mail: strbsu@mail.ru).

В статье на материале, собранном автором для «Словаря советского детства», рассматриваются устойчивые высказывания детской речи, употребляющиеся в функции защиты от оскорбления. На основе положений, обоснованных в теории речевых жанров, автор анализирует детские устойчивые выражения в качестве текстов, по ряду признаков соотносимых с жанром проклятия. Основным критерием, позволяющим сравнить современные тексты с архаическими, является их общая коммуникативная цель – защита от вербальной агрессии. Устойчивые выражения, закреплённые за узнаваемыми и типичными ситуациями, являются принятыми среди детей способами речевого поведения и регулируют взаимоотношения между членами коллектива. Они представляют собой своеобразные риторические формулы, которые имеют постоянный компонентный состав, воспроизводимы в готовом виде, иногда содержат в себе элементы рифмовки. Такие высказывания представляют собой реплики-реакции на акт вербальной агрессии другого участника коммуникации и восходят к традиционным славянским проклятиям, употребляющимся в функции вербального оберега.

Ключевые слова: проклятие, детская речь, теория речевых жанров.

THE CURSEGENRE IN THE CHILD'S SPEECH

Sidorenko A.V.

Sterlitamak branch of the Bashkir State University, Sterlitamak, Russia (453103, Russia, Sterlitamak, Lenin prospect, 49, e-mail: strbsu@mail.ru).

The article studies stable statements of children's speech used in the function of protection against being insulted. The stable statements are analyzed on the basis of the material collected by the author for «Dictionary of Soviet childhood». Following provisions grounded in the theory of speech genres the author analyzes children's stable statements as texts which genre according to a number of features is correlated with the curse genre. The main criterion that enables to compare modern texts with archaic ones is their common communicative aim which is protection against verbal aggression. Stable statements related to recognizable and typical situations are conventional ways of children's verbal behavior which manage relationship between team members. They represent a kind of rhetorical formulas which have a constant component composition, are ready-to-use and sometimes contain elements of rhyme. Such statements are response utterances to an act of verbal aggression of another participant of communication and trace back to traditional Slavic curses used in the function of the verbal amulet.

Keywords: curse, child's speech, the theory of speech genres.

Сегодня генристика обладает богатым арсеналом исследований, посвященных самым разным речевым жанрам. Начало этому направлению лингвистических исследований было положено, как известно, работой М.М. Бахтина «Проблема речевых жанров». «Каждое отдельное высказывание, – писал ученый, – конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами» [1: 159]. И хотя «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо» [1: 159], компетентный носитель языка узнает их и в определенной степени владеет ими сам, поскольку «говорящему даны не только обязательные для него формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй), но и обязательные для него формы высказывания, то есть речевые жанры» [1: 183].

Очевидно, что речевые жанры находятся в определенном соотношении между собой, образуя систему. Тезис Д.С. Лихачева о том, что литературный жанр необходимо рассматривать как категорию историческую, поскольку «меняются самые принципы выделения отдельных жанров, меняются типы и характер жанров, их функции в ту или иную эпоху» [7: 317], на наш взгляд, является актуальным и при изучении речевых жанров. Изменение жанровых систем в процессе исторического развития ведет к трансформации жанров, их утрате и появлению новых. Так, только для советского периода характерно функционирование жанра проработки, а в последние десятилетия появились новые речевые жанры, связанные с распространением мобильных телефонов и Интернета (sms-переписка, электронное письмо, демотиваторы и др.). Однако, поскольку любой жанр является «носителем объективной исторической памяти» [2: 179], многие утраченные речевые жанры часто обнаруживают свои черты в жанрах-преемниках.

Цель настоящей статьи – показать, как некоторые устойчивые формулы детской речи обнаруживают в себе следы традиционных славянских проклятий.

Результаты исследования и основные выводы

Жанр проклятия привлекал внимание исследователей [6], однако исключительно как жанр взрослой коммуникации. В рамках работы над созданием «Словаря советского детства» мы обнаружили устойчивые формулы детской речи, закреплённые за узнаваемыми и типичными ситуациями. Это принятые среди детей способы речевого поведения, регулирующие взаимоотношения между членами коллектива, своеобразные риторические формулы. Детские высказывания, о которых идет речь, имеют постоянный компонентный состав, они воспроизводимы в готовом виде, ситуативно закреплены, иногда содержат в себе элементы рифмовки. Такие высказывания представляют собой реплики-реакции на определённое речевое или физическое действие другого участника акта коммуникации. Большинство приводимых ниже устойчивых высказываний активно употреблялось в детской среде в 1980-е–1990-е годы, поэтому основным способом фиксации материала стала самозапись. Часть устойчивых выражений записана от носителей языка или заимствована из сборников детского фольклора.

Ярким примером подобных высказываний является широкоупотребительная устойчивая формула *«На горе стоишь – сам на себя говоришь»*. Её назначение – опровергнуть высказывание оскорбительного характера, «направив» его содержание на самого обидчика. В результате произнесения данной речевой формулы предшествующее ей словесное оскорбление теряет свою силу, становится «неуспешным». Более того, произнося *«На горе стоишь – сам на себя говоришь»*, производитель речи, защищаясь от оскорбления,

переходит в контратаку и утверждает (по принципу «Сам дурак»), что нападавший оскорбляет самого себя.

Востребованность данной речевой формулы доказывается существованием многочисленных устойчивых синонимичных высказываний, например, «*Говоришь на меня – переводишь на себя*». В сборниках детского фольклора такие выражения квалифицируются как дразнилки-перепалки, например: «*Кто так обзывается, / Тот сам так называется*»; «*Обзываешь ты меня – / Переводишь на себя*» [5: 554]. Иногда они представлены более развернутыми примерами: «*Больница закрыта, / Ключ у меня! Кто обзывается – / Сам на себя*» [5: 554].

В функции защиты от оскорблений употребляется и устойчивая формула «*Обзывайся сколько влезет – на тебя понос налезет*». Обращение к сфере телесного низа в детской речи всегда мотивировано, и употребление слова из данной семантической сферы придаёт больший вес высказыванию.

На наш взгляд, все представленные выше формулы являются модернизированными формами **проклятия** – «словесной формулы, содержащей пожелание бед и несчастий в адрес конкретного лица» [3: 286], точнее, определённого типа – «вербального оберега, имеющего целью защитит от порчи, от опасных контактов, вредоносных сил» [3: 290]. Подобные тексты должны «не только отвернуть от себя «черное слово», но и переадресовать его тому, кто проклинает, «пересылая» угрозу на говорящего («Из твоих уст тебе на голову»)), например: «(бел.) «Кабтвае кляты да табеў пяты!», «Кабтваерэчы да табеўплечы, тваеславеса да табе за пояса!», «Клят, клят ды на сябебярэ!»», «Чужымвочам – соль да пячаль. Што думает мне, получысабе!» и др. [3: 290]. Сам же анализируемый нами речевой жанр восходит, по всей видимости, к известному с древних времен ритуалу произнесения проклятия «в условиях словесного поединка, в ходе перебранки» [3: 290].

По степени вредоносности, как отмечают исследователи, различаются проклятия «наиболее тяжкие» и «менее опасные» [3: 287]. Безусловно, наши примеры относятся ко второй группе. Пожелание недуга – очень частотный компонент в традиционных славянских проклятиях: «Лихоманка тебя возьми!», «Лихорад тебя задери!», «Недуг тебя убей!», «Шобтэбэ холера взяла!» (укр.), «Болка те ізяла!» (ю.-слав.) [3: 287]. В детских же высказываниях из всех возможных недугов для «проклятия» выбрано одно из самых безобидных: «*Обзывайся сколько влезет – на тебя понос налезет*». А его отнесенность к сфере телесного низа позволяет достичь эффекта осмеяния собеседника-агрессора.

Основательное сходство между традиционными славянскими проклятиями и описываемыми нами устойчивыми формулами детской речи можно выявить на основании состоящей из семи пунктов «анкеты речевых жанров», разработанной Т.В. Шмелёвой. Так,

«первым жанрообразующим признаком» речевого жанра является «коммуникативная цель» [10: 24], о которой выше уже было сказано. И хотя в традиционных проклятиях было принято защищаться от порчи, вредоносных сил, а в детских устойчивых выражениях – от оскорблений и угроз, их общая коммуникативная цель – защита от вербальной агрессии – не вызывает сомнений.

Следующие два параметра – «образ автора» и «образ адресата» – с нашей точки зрения, могут быть охарактеризованы во взаимных связях: очевидно, что проклятие предполагает социальное равенство адресата и адресанта. Особенно явно это проявляется в детских речевых формулах. Они могут быть адресованы только детям, поскольку содержат в себе компонент («обзывайся»), квалифицирующий предыдущую реплику-реакцию как текст определенного речевого жанра – сугубо детского, который условно можно обозначить как оскорбление. Взрослый, в соответствии со своим более высоким социальным статусом, избирает в общении с ребенком иные жанры. Аналогичным образом адресант традиционного проклятия-оберега считает себя вправе защищаться и совершать обратный акт речевой агрессии. Это возможно лишь по отношению к равному – нельзя представить, чтобы такой ответ был направлен в адрес родителя, чьи проклятия всегда считались наиболее действенными [3: 289].

Говоря о четвертом параметре – «диктуме», или «событийной основе высказывания» [10:28], следует напомнить, что текст проклятий-оберегов произносится непосредственно в «ситуации словесного поединка» в ответ на акт речевой агрессии. С этим связан и следующий параметр – «фактор прошлого» – в данном случае это наличие реплики-стимула, которая представляет собой акт речевой агрессии и имеет жанрообразующее значение, выделяя данный вид проклятий из ряда других. «Фактор будущего» предполагает дальнейшие речевые действия адресата. Очевидно, что произнесение текста в данном случае должно пресечь последующую агрессию.

С точки зрения формальной организации (заключительный параметр анкеты), приведенные нами устойчивые формулы детской речи и традиционные славянские проклятия обнаруживают явное подобие в лексико-грамматическом отношении: в них активно используются личные местоимения 1-го и 2-го лица *мне – тебе* (иногда вместо последнего используется возвратное местоимение *себе*, притяжательное местоимение *твой*), слова лексико-семантических групп «речь» и «болезнь», лексика сферы материально-телесного низа.

Таким образом, в устойчивых формулах современной детской речи воспроизводится модель, характерная для яркой разновидности традиционных славянских проклятий, выступающей в функции оберега от актов вербальной агрессии. Основания для такого

сближения мы находим и в идее М.М. Бахтина о «памяти жанра», и в тезисе Л.С. Выготского и А.Р. Лурия о «примитивном и наивно-психологическом характере детского мышления» [4: 152]. Рассматриваемый нами речевой жанр очень продуктивен в детской среде, о чём свидетельствует множество вариантов реализующих его текстов.

Ярким примером является распространенная в детской среде формула защиты от оскорбления – *«Не складно, не ладно, в твоих трусах прохладно!»*. Она произносится в ответ на акт речевой агрессии с целью его обесценивания. Формула содержит в себе два компонента: 1) утверждение о том, что высказывание собеседника не отвечает критериям хорошей речи (в соответствии со значениями слов *складный* – «толковый, стройный» [9: 712] и *ладный* – «во всех отношениях хороший» [9: 311]); 2) оскорбление, выраженное семантически «неполноценным» высказыванием, по сути, бессмысленным. Его лексическое наполнение обусловлено двумя причинами: рифмой (*не складно, не ладно – прохладно*), обеспечивающей необходимую эстетически оправданную форму («складность») выражению; употреблением слова из сферы материально-телесного низа (*трусы*). Слово *трусы* является для высказывания ключевым: благодаря его использованию личность адресата сообщения соотносится со сферой телесного низа. Не важно, что высказывание не имеет смысла: уже само упоминание *трусов* придаёт ему статус оскорбления, «понижая» авторитет адресата в глазах участников коммуникативной ситуации. В развернутой версии данного выражения оскорбление собеседника еще более серьезное: *«А на улице мороз, у тебя в трусах понос!»*.

Весьма жесткий вариант защиты от оскорбления представлен следующей речевой формулой: *«Не в склад, не в лад, поцелуй корову (кобылу) в зад (козий зад)»*. Начинаясь, как и в предыдущем примере, оценкой высказывания с точки зрения критериев хорошей речи, речевая формула завершается экспрессивной инвективой.

Распространенный прием защиты от оскорбления представлен высказыванием *«Умная, умная, по горшкам дежурная»*. («– Подумаешь, какие умные, – высунул язык противный Дырка. – Умные по горшкам дежурные. – Правильно, нельзя быть такими умными, – подхватил пират Буль-Буль». В. Постников. «Карандаш и Самоделкин в стране людоедов» [8]). Это устойчивое выражение построено по формуле, включающей два компонента: первый из них содержит слово с положительной оценкой, а второй имеет прямо противоположное содержание. Контраст между этими компонентами повышает экспрессивность высказывания. О продуктивности данной формулы в детской речи свидетельствует наличие примеров, в которых две противоположно заряженные части отделены друг от друга паузой: *«Молодец... (пауза)... твой отец, а ты – дура (дурак)»*.

В устной речи детей подобные формулы востребованы в том числе и потому, что в них реализуется игровое начало, позволяющее разрешить конфликты. Устная речь взрослых

в этом отношении гораздо беднее. Мы располагаем лишь одним примером общеупотребительной устойчивой формулы такого рода:

– *Ну и дурак.*

– *От дурака слышу.*

– *Ну ладно, ладно... уж и слова не скажи!* (Вен. Ерофеев. «Москва-Петушки») [8].

Заключение

Детское сознание усваивает образцы и нормы речевого поведения детского коллектива, что является одним из важнейших условий социализации ребёнка. Устойчивые формулы детской речи передаются из поколения в поколение, при этом часто транслируя модели архаичного (мифологического и фольклорного) сознания, обнаруживая в современных выражениях следы «памяти жанра» – в нашем случае жанра проклятия.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – С. 159–206.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худож. литература, 1972. – 464 с.
3. Виноградова Л.Н., Седакова И.А. Проклятие // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 286–294.
4. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребёнок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
5. Карпухин И. Е. Русский детский фольклор в Башкортостане. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2013. – 654 с.
6. Крюкова И.В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2011. – 20 с.
7. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачёв Д.С. Избранные работы: в 3 т. Т.1. – Л.: Художественная литература, 1987. – 373 с.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html> (дата обращения: 07.05.2015).
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2 изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
10. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. – Берлин, 1990. – С. 20–32.

Рецензенты:

Сыров И.А., д.фил.н., доцент, заместитель директора по учебной работе, профессор кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета, г. Стерлитамак;

Карпухин И.Е., д.фил.н., профессор, заведующий совместной Лабораторией русской филологии Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета и Института прикладных исследований Академии наук Республики Башкортостан, г. Стерлитамак.